

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'25.06.053.56

Абдульманова Аделя Хамитовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
a.abdulmanova@spbu.ru

Вьюнова Екатерина Кирилловна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e.vyunova@spbu.ru

Лекомцева Ирина Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
i.lekomtseva@spbu.ru

Шутёмова Наталья Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
n.shutemova@spbu.ru

О способах передачи иронии в синхронном переводе

Для цитирования: Абдульманова А. Х., Вьюнова Е. К., Лекомцева И. А., Шутёмова Н. В. О способах передачи иронии в синхронном переводе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022, 19 (4): 720–739. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.405>

В статье рассматриваются способы репрезентации иронии при синхронном переводе. Данный вопрос связан с изучением стратегии передачи категории комического при переводе и решением нестандартных задач трансляции алогизмов, восходя к осмыслению проблемы качества перевода и репрезентации целостности оригинала в принимающей культуре, что обуславливает актуальность проводимого исследования. Материалом для анализа послужили фрагменты речей политиков, общественных деятелей и звезд телеэкрана на английском языке и переводы на русский язык, выполненные учащимися 2-го курса магистратуры программы *Синхронный перевод*. В статье освещены

щаются различные подходы к определению понятия иронии, включая теории *противоположности*, *прямого доступа*, *притворства*, *соответствующего несоответствия*, *градуированности значения*, модель *упоминание/эхо/напоминание*. Систематизируются виды иронии и такие средства ее порождения, как порицание через похвалу, преуменьшение, преувеличение, самоуничижение, создание эффекта неожиданности, ироническая уступка и защита. На основе сопоставительного анализа исходных и переводных текстов, выполненного с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, доказано, что репрезентация иронии в условиях синхронного перевода составляет трудность, возникающую как на этапе понимания оригинала, так и при объективации сформированного смысла посредством языка перевода. Выявлено, что передача иронии сопровождается преимущественно ее полной или частичной редукцией, основные причины которой заключаются в непонимании иронии вследствие отсутствия у переводчиков необходимых фоновых знаний, в частности реалий, и/или неспособности объективировать заложенный в оригинале смысл средствами другого языка. Прослежено, что в качестве фактора, усложняющего задачу, выступает специфика синхронного перевода, обуславливающая ограничение времени для переводческой рефлексии. Выявлено, что к основным стратегиям решения данной переводческой задачи относятся преувеличение, преуменьшение и использование экспрессивной лексики.

Ключевые слова: юмор, ирония, перевод, устный перевод, синхронный перевод.

Введение

Анализ репрезентации категории комического в переводе связан с изучением фундаментальных проблем данного вида деятельности, включающих понимание исходного текста (далее — ИТ), освоение единства его формы и содержания, передачу целостности оригинала в принимающей культуре, обеспечение качества перевода, что обуславливает актуальность исследования. Предметом рассмотрения в настоящей статье являются способы репрезентации иронии в синхронном переводе (далее — СП). При освещении данного вопроса с когнитивно-дискурсивных позиций мы полагаем, что он относится к области нестандартных задач, решение которых составляет трудность как на этапе предпереводческого анализа, так и при объективации его результата в условиях гетерогенности сознаний автора и переводящей личности, естественных семиотических систем и культур [Казакова 2006; Карпущина 2013; Куницына 2010; Минченков 2008; Фесенко 2002]. Сложность передачи иронии в СП носит комплексный характер. С одной стороны, она обусловлена когнитивными процессами, сопровождающими создание и восприятие иронии как одного из видов алогизмов, с другой — определяется спецификой обозначенного вида перевода.

Алогизмы традиционно рассматриваются в лингвистике в качестве плодотворного материала для исследования когнитивных процессов. Они являются маркером дезавтоматизма речемыслительной деятельности человека при порождении текста и средством дезавтоматизации восприятия дискурса реципиентом. Алогизмы получили многоаспектное освещение с позиций риторики, стилистики, дериватологии, когнитивистики. Так, в теории общей риторики, разработанной французской «группой μ » во второй половине XX в., алогизмы трактовались как приемы, включающие четыре группы метабол, к которым отнесены метаплазмы, метасемемы, метатакис и металогизмы [Общая риторика 1986]. В стилистике они систематизируются в парадигматическом и синтагматическом измерениях с уче-

том всех уровней языковой системы [Скребнев 2016]. В деривационной лингвистике алогизмы отнесены к компонентам фатического поля языка, образуемым в результате процессов семантической деривации, участвующих в текстопорождении [Мурзин 1984]. При логическом анализе языка они определяются как намеренное или непреднамеренное нарушение в высказывании законов логики и считаются разновидностью языковых аномалий, которые трактуются в широком плане как отклонение от языковой и речевой нормы [Апресян 1990; Арутюнова 1987; Радбиль 2006; Садовников 2014]. Классификация намеренных алогизмов строится в соотношении с понятием и суждением: если первая группа фигур включает метафору, сравнение, оксюморон, плеоназм, подмену понятий, катахрезу, тавтологию, то вторая — фигуры, основанные на несогласованности, двусмысленности, противоречии [Садовников 2014]. В целом алогизмы традиционно считаются проявлением творческого потенциала языка, который Н. Хомский, продолжая мысль В. фон Гумбольдта, связывал со способностью языка «предоставлять средства для выражения неограниченного числа мыслей и для реагирования соответствующим образом на неограниченное количество новых ситуаций» [Хомский 1972: 11].

Немаловажным для исследования проблемы репрезентации алогизмов в СП является, на наш взгляд, и сформированное Ю. А. Сорокиным представление о языковых аномалиях как о деструктемах, т. е. сегментах текста, характеризующихся стилистическим дискомфортом и вызывающих информационный сбой [Сорокин 2003: 340]. С точки зрения Н. Д. Арутюновой, при осмыслении такого текста реципиентом осуществляется процедура семантической редукции. Результативность «сведения аномального смысла к нормальному» [Логический анализ 1990: 4] зависит от степени развитости семантической компетенции у реципиента, его способности понимать и интерпретировать высказывание.

Создаваемые деструктемами информационные сбои, влияя на скорость и степень понимания сообщения реципиентом, имеют особое значение в условиях СП, при котором время для принятия мотивированных решений максимально ограничено в сравнении с другими видами этой деятельности. На основе обзора экспериментальных исследований, включающих, например, оценку когнитивной нагрузки посредством регистрации диаметра зрачка, измерения сердечного ритма и уровня кровяного давления у переводчиков и показавших наибольший объем когнитивной нагрузки при СП, А. А. Кониной и Т. В. Черниговской формулируется вывод о нем как об «экстремальном виде когнитивных процессов» [Кониная, Черниговская 2018: 178].

СП, осуществляемый с иностранного языка, вызывает наиболее серьезные трудности. Именно данное направление рассматривается нами при анализе репрезентации иронии в СП в настоящей статье. Материалом исследования послужили фрагменты речей политиков, общественных деятелей и звезд телеэкрана на английском языке не ранее 2011 г. и переводы отобранных фрагментов, осуществленные в синхронном режиме учащимися 2-го курса магистерской программы «Синхронный перевод». Выбор материала обусловлен тем, что в открытых источниках количество записей синхронных переводов ограничено либо для одного оригинального текста представлен один перевод, что не позволяет проводить сопоставительный анализ применяемых стратегий и принимаемых переводческих решений. Для анализа материала был использован комплекс общенаучных и специальных методов,

основными из которых стали наблюдение, описание, индукция, дедукция, классификация, интерпретация, контекстуальный, стилистический и сопоставительный анализ.

Трактовка понятия иронии в лингвистике

При рассмотрении предмета исследования мы основываемся на уточненном с когнитивно-прагматических позиций представлении об иронии как о переносе наименования объекта по полярности семантики, основанном на негативной оценке объекта и переосмыслении его свойств по контрасту. Родовой по отношению к данному понятию является философско-эстетическая категория комического, различные подходы к интерпретации которой, сложившиеся со времен Аристотеля, связаны с осмыслением природы данного феномена. Предметом научной полемики является также систематизация видов комического, к которым, помимо иронии, традиционно относят шутку, юмор, сарказм и сатиру. Все они связаны с познавательной и аксиологической деятельностью человека, его интеллектуальной способностью выявлять противоречивость явлений, соединять серьезное и смешное. Однако различие между ними обусловлено прагматикой высказывания, характером выражаемой оценки, преобладанием смешного или серьезного в их сочетании. Если шутка является видом комического, в котором актуализируется смешное и имплицитно выражается позитивное отношение к объекту, то юмор строится на возвышении сниженного, сочетает серьезное и смешное, при этом положительный оценочный компонент в смешном доминирует. Ирония, сарказм и сатира нацелены на выражение отрицательной оценки, интенсивность которой возрастает от первого компонента к последнему. Ирония используется для объективации неодобрительного отношения к объекту оценки и его критики. По сравнению с иронией сарказм является способом репрезентации резко отрицательной оценки мнимо значительного с целью его существенного принижения, что в сатире дополняется функцией изобличения, например, пороков.

Именно аксиологический, прагматический и семантический аспекты учитываются при комплексном рассмотрении иронии как «осмеяния, содержащего оценку того, что осмеивается... Отличительный признак иронии — двойной смысл, где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему подразумеваемый; чем больше противоречие между ними, тем сильнее ирония» [Литературная энциклопедия 2001: 316]. Рассмотрим некоторые из подходов к исследованию иронии.

Наиболее широко распространенное определение словесной иронии как акта, при котором говорящий высказывает противоположное тому, что он намеревается сообщить [Brown, Levinson 2013], сложилось в рамках теории «противоположности». Маркеры иронии позволяют слушателю понять, что оратор намеревается при помощи иронии выразить противоположную идею. Затем реципиент воспринимает значение, противоположное семантике слов говорящего (или писателя), таким образом достигая правильного понимания коммуникации. Данный подход, однако, не учитывает тот факт, что во многих случаях словесная ирония выражается не в утвердительной форме и в таких ситуациях контраст между сказанным и скрытым значением менее выражен [Kaufert 1981]. Риторические вопросы, например, ча-

сто бывают ироничными. Говорящий может иронически произнести: «О, да как я могу на тебя сердиться?» — когда на самом деле он зол.

Теория «прямого доступа» допускает, что словесная ирония может включать в себя сложные структуры (например, аллюзии на устоявшиеся выражения, подражание, двойственный смысл), но учитывает и то, что они встречаются не только в иронических высказываниях. Согласно данной теории, словесную иронию можно распознать непосредственно из высказывания и контекста [Gibbs 1986]. При этом подход «прямой доступ» предполагает, что для создания иронического эффекта возможно использование упоминания, эха, напоминания, притворства, аллюзии, контраста и других приемов, которые реализуются в коммуникации.

Модель подхода «упоминание/эхо/напоминание» основана на идее того, что словесная ирония включает в себя напоминание (через упоминание, эхо или иные аналогичные средства) о некоторых убеждениях, на которые говорящий ссылается, не придерживаясь их; при этом контекст отделяет спикера от произнесенных им слов. Так, если кто-то говорит: «А в небе ни облачка!» во время урагана, он может: 1) прямо цитировать другого оратора (например, ведущего, давшего неправильный прогноз погоды, сказав, что на небе не будет ни облачка); 2) упоминать убеждение, приписываемое гипотетическому оратору, который также ошибочно предсказывает ясное небо; 3) выразить общепринятое мнение, что солнечная погода лучше.

Каждая из этих ссылок включает в себя напоминание о некоей точке зрения, которую спикер в данный момент не разделяет: например, вы счастливы, когда погода хорошая, но сейчас погода плохая, поэтому оратор отделяет себя от первой точки зрения и таким образом показывает, что данное убеждение является ошибочным [Sperber, Wilson 1981; Wilson, Sperber 1992].

Согласно другому подходу, используя иронию, оратор не отвлеченно упоминает какую-либо реальную или приписываемую точку зрения или напоминает слушателям о ней, а открыто притворяется другим человеком, реальным либо гипотетическим, придерживающимся этой точки зрения [Clark, Gerrig 1984; Currie 2006]. Адресант передает мнение другого человека насмешливым тоном и/или преувеличенно, что делает его притворство более явным. Это действие отделяет оратора от объекта сообщения / изображаемого персонажа, позволяя высмеивать критикуемую точку зрения и ее сторонников.

Во многих отношениях подход «притворства» использует те же установки, что и подход «упоминание/эхо/напоминание»: например, в обеих теориях оратор демонстрирует точку зрения, которую он приписывает другому человеку, но сам не разделяет [Williams 1984; Barbe 1993]. Притворство представляет собой механизм, изначально демонстрирующий несогласие говорящего с собственными словами и использующий насмешливое изображение того, что сказал бы другой оратор.

Основываясь на критике существующих подходов, С. Аттардо [Attardo 2000] разработал концепцию «соответствующего несоответствия», в которой ключевым является понятие неуместности. Согласно данной модели, высказывание контекстуально уместно, если все его предпосылки идентичны или совместимы со всеми предпосылками контекста, в котором произносится высказывание.

Теория градуированности значения позволяет в большей мере опираться на лексические процессы при интерпретации словесной иронии. Этот подход [Giora et al. 1998; Giora et al. 2007] предполагает зависимость лексической семантики от

контекста. Ситуативность, частотность и прототипичность использования слова в разных смыслах может влиять на то, какие из смыслов закрепятся в лексике. Скажем, если один из них часто актуализируется в иронической ситуации (например, *глупый* как ироническое значение для *умный*), тогда он может войти в общее употребление (например, *умный парень*). Вторая основная идея данной теории касается косвенного отрицания и состоит в том, что если адресант использует слово во второстепенном значении, то адресат воспримет его после основного, которое не будет полностью нивелировано, а сохранится, поэтому разница между основным и второстепенным значениями будет ясной, вследствие чего реципиент освоит ироническое значение.

Принято выделять два основных вида иронии: словесную (вербализованную) и ситуативную (иронию обстоятельств). Словесная ирония есть лингвистический феномен, тогда как ситуативная ирония соотносится с обстоятельствами, воспринимаемыми иронически, например пожар в пожарном депо. В отношении классификации иронии важно отметить, что к открыто агрессивному типу иронии с более ясными маркерами и определенной коммуникативной целью относят обозначенный ранее сарказм. Вопрос о том, представляют ли собой сарказм и ирония одно явление или разные феномены, вызывает споры среди исследователей. Некоторые из них [Kreuz, Roberts 1995] придерживаются первого варианта, другие разграничивают сарказм и иронию. В частности, Д. Спербер и Д. Уилсон [Sperber, Wilson 1981] полагают, что в случае сарказма спикер ссылается на слова и взгляды другого человека, тогда как иронист — на собственное мнение. Р. Гиббс и его коллеги [Gibbs et al. 1995] вводят понятие «неумышленная ирония». Она возникает, если «произнесенное спикером не должно было быть воспринято таким образом»¹ [Gibbs et al. 1995: 189]. Данный тип иронии комплексный, поскольку содержит «элементы и словесной, и ситуативной иронии» [Gibbs et al. 1995: 189]. Исследователи также сравнивают ее со скрытой иронией. Изучая средства создания иронии, ученые ассоциируют ее со множеством тропов, используемых для производства комического эффекта. Одним из самых простых средств создания иронического образа является антифразисная похвала, или порицание через похвалу, например когда мы говорим «Какой молодец!» о ком-то, кто сделал что-то плохое. Используя данный прием, иронист вполне открыто выражает свое реальное мнение, а затем меняет тон. В качестве примера Н. Нокс приводит следующую цитату: *She is... a tight, good-humoured sensible wench, who knows very well how to box her compass; well-trimmed aloft, and well sheathed alow, with a good cargo under her hatches* [Knox 1961: 106]. В данном примере для создания иронии автор прибегает к метафоре. Здесь метафоры не только несут ироническую похвалу, но и передают заложенную автором информацию посредством такого объекта сравнения.

Другим ироническим тропом является преуменьшение или ироническое умолчание/притворство, когда вместо абсурдного возвеличивания достоинств объекта критики иронист преуменьшает его недостатки. К такому приему можно отнести строки из песни «Все хорошо, прекрасная маркиза», где маркиза звонит в поместье, чтобы узнать, как идут дела, и получает ответ «Все хорошо... за исключением пустяка», однако дела на самом деле далеко не радужны.

¹ Здесь и далее перевод авторов настоящей статьи.

Иронический троп самоуничтожения позволяет высмеять объект иронии, не преуменьшая или преувеличивая его достоинства или недостатки, а принижая самого ирониста. Например: *Since the author* (психолог по профессии, пишущий эти строки. — А. А., Е. В., И. Л., Н. Ш.) *suffers from the not uncommon constitutional defect of being incapable of understanding Jung's writings...* [Simonin 2018: 73]. Родственными этому тропу являются такие приемы, как притворное сомнение в ситуации, где никаких сомнений не возникает, напускное невежество, неискренние извинения или заверения в уважении и восхищении: во всех этих случаях иронист притворяется, будто принимает точку зрения объекта иронии или никак не может ее понять.

Еще один способ создания иронии — это преувеличение. Между гиперболой и иронией существует неотрицаемая связь. При абсолютно невозмутимом произнесении иронического высказывания, характеристика объекта иронии может быть доведена до крайности, например: *That was simply the most incredible dining experience in my entire life*. Важную связь гиперболы и иронии подчеркивают Р. М. Робертс и Р. Дж. Креуз. В результате проведенного опроса они обнаружили, что многие цели использования гиперболы и иронии совпадают. Например, опрошенные применяли гиперболу и иронию, чтобы «шутить», «что-то подчеркнуть» и «разъяснить что-либо» [Roberts, Kreuz 1994: 162]. При учете несоответствия между настоящим и буквальным значением иронического высказывания необходимо не забывать и о возможном изменении степени такого несоответствия, и преувеличение является одним из способов его усиления.

К средствам создания комического, в том числе иронии, относится неожиданность, определяемая Б. Дземидоком как всякий сюжетный ход, не предвиденный реципиентом. В таком повороте мысли заключается комизм многих анекдотов и шуток, где внезапно сближаются и сопоставляются различные или взаимоисключающие явления. По мнению Дземидока, мысль, трактующая сходство между явлениями, фактически или мнимо далекими, выраженная в лапидарной форме, представляет собой один из главных типов остроты. С этой же целью могут использоваться анахронизмы из области нравов, воззрений, языка, образа мышления и т. п. [Дземидок 1974]. Согласно Дземидоку, демонстрация несоответствия между высоким мнением человека о своей моральной, общественной, интеллектуальной значимости и его фактической ценностью представляет собой один из основных приемов построения комического характера.

Ирония может генерироваться и посредством уступки. Если глупцу кажется, что он умный, то иронист, называя его умным, одновременно воздает ему ироническую похвалу и уступает его точке зрения. Другим способом выражения иронии уступки является признание своего поражения не только в определенном споре, но и признание всех мнений противника, что расширяет контекст и иллюстрирует нелепость (с точки зрения ирониста) изначальной уступки оппоненту [Кнох 1961].

Одним из приемов также является ироническая защита, при которой используется очевидно ложная энтимема [Кнох 1961]. Такой прием иронист может применить, давая иронический совет в ситуации иронической уступки или иронической похвалы. Основной функцией данного приема является передача реального отношения ирониста к объекту иронии без разрушения тонкой иллюзии похвалы. В таком случае каждый аргумент, предлагаемый якобы в качестве похвалы, на са-

мом деле эту похвалу подрывает; однако аргументы вводятся так, как будто они действительно искренние, что создает иронический эффект.

Устанавливая несбалансированные связи между эксплицитным и имплицитным, ирония способствует не только передаче информации, но и выражению отношения к ней. Диапазон возникающих эффектов очень широк и включает гамму эмоций от удовольствия до боли, от восторга до гнева, что обуславливает необходимость анализа иронии в контексте.

Контрастный эффект, отмечаемый в перцептивной, когнитивной и социальной психологии, помогает понять, насколько отрицательно относится говорящий к объекту критики в случае применения иронии. Реципиенты считают стереотипно саркастические комментарии (положительные заявления об отрицательных ситуациях) более негативными в сравнении с прямыми отрицательными комментариями о тех же ситуациях. Доказано, что повышенная отрицательность возникает за счет контрастного эффекта [Colson 2002]. Отрицательные ситуации (например, плохая погода) воспринимаются более негативно в контексте положительного комментария (вроде *какой прекрасный день*) в сравнении с прямым отрицательным комментарием (*какой ужасный день*). Таким образом, спикер использует контраст для достижения более отрицательного восприятия сказанного им. Это является одной из причин, по которым ораторы обращаются к словесной иронии, или иронической критике, или сарказму, используя их для достижения усиленной негативности либо, по крайней мере, некоего контроля над уровнем выраженной негативности.

Рассмотрим некоторые преимущества иронии как способа социального комментария, перспективы и подхода к беседе. Согласно Л.А.Зелезинской, анализ данного феномена в политике представляет большой интерес, поскольку он показывает не только стереотипы, существующие на протяжении длительного времени, но и актуальные тренды политического процесса, формирующие повестку дня [Зелезинская 2012]. Умелый оратор искусно вплетает иронию в официальную речь. При помощи иронии можно переключить внимание аудитории, акцентировать определенные моменты своего выступления, разрядить напряженную обстановку. В диалоге с оппонентами ирония может являться вежливым способом сказать грубость и реализуется за счет подразумеваемого противоречия [Горностаева 2016].

Ирония занимает важное место в речевом портрете современного политика. Как указывает А.А.Горностаева, в современной политической коммуникации, где большую роль играет развлекательная составляющая, ирония выполняет разные функции: выражение насмешки, защитную функцию, снятие напряжения, оптимизацию межличностных отношений и т.д. Среди механизмов иронии в политической речи наиболее популярны сопоставление несопоставимого, двусмысленность, неожиданная смена стилового регистра [Горностаева 2016].

Трудности и стратегии репрезентации иронии в СП

Репрезентация иронии представляет проблему для переводчиков, решение которой осложняется тем, что предполагает осуществление двойной интерпретации: сначала необходимо освоить смысл иронического высказывания, а затем принять мотивированное решение относительно способа его передачи посредством перево-

дящего языка. В данной части мы рассмотрим некоторые стратегии перевода иронии.

Как правило, трудности репрезентации иронии в принимающей культуре тесно связаны с необходимостью перевода реалий. С. Влахов и С. Флорин [Влахов, Флорин 1980] выделяют две главные проблемы, с которыми переводчик сталкивается при интерпретации реалий:

- отсутствие эквивалента в переводящем языке;
- необходимость вместе с реалией передать соответствующий национальный колорит.

К стратегиям передачи реалий исследователи относят:

- контекстуальное осмысление;
- введение неологизма, т. е. создание кальки или полукальки;
- освоение;
- семантический неологизм, который отличается от кальки тем, что в данном случае переводчик не привязан к этимологии исходного слова или словосочетания, а придумывает собственный вариант;
- приблизительный перевод [Влахов, Флорин 1980: 80–93].

Данная проблематика находит отражение в исследовании Д.-Е. Поупы [Pora 2005], которая полагает, что важно найти культурные эквиваленты, а не только перевести слова. Поупа считает, что перемещение юмористической сути в более комфортные для целевой аудитории рамки помогает избежать эффекта культурного шока, который может возникнуть, если дословный перевод не несет никакого смысла для слушателей. Опыт, разделяемый группой людей, Поупа называет «секретным соглашением» [Pora 2005: 9] между спикером и аудиторией. Эти «секретные соглашения» могут представлять собой большую проблему для переводчика, который должен быть посредником для спикеров из разных стран и не имеет времени для изучения отсылок к определенной культуре.

Исследователи также сосредоточивают внимание на трудностях передачи тона речи, считая, что пародия, ирония и сарказм могут быть самыми трудными для перевода формами юмора: они полагают, что если спикер в большей степени использует тон голоса и невербальное поведение (например, выражение лица), то переводчик может неправильно истолковать сказанное [Pavlicek, Röchhacker 2014]. По мнению Л. Гонсалеса и Г. Мехиас, переводчикам не стоит и пытаться перевести игру слов, так как у устного переводчика нет достаточного количества времени, чтобы найти понятный эквивалент на переводящем языке, следовательно, он, скорее всего, будет использовать банальные клише, тем самым отступая от оригинального тона оратора [González, Mejías 2013] (см. также: [Pora 2005]). Такие попытки перевода могут нарушить доверие аудитории к переводчику и негативно повлиять на то, как слушатели воспринимают оратора.

Необходимо отметить важность сохранения доверия аудитории при синхронном переводе. Переводчик должен стараться передать тон речи спикера, что особенно значимо, если юмор или ирония являются основными компонентами речи спикера. В этом случае переводчик должен передать впечатление, производимое оригиналом на реципиента, чтобы целевая группа не чувствовала себя в изоляции.

Многие шутки основываются на знаниях, являющихся общими для спикера и его аудитории. П. Лиендо [Liendo 2013] называет таких слушателей «comprehenders» и «non-comprehenders» и считает необходимым, чтобы переводчик объяснил своей целевой аудитории культурные аллюзии, скрытые в шутке.

М. Павличек и Ф. Пехгакер полагают, что в большинстве случаев спикеры используют юмористические истории, иронию и шутки [Pavlicek, Röchhacker 2014] с целью представления другого спикера, введения новой темы или разрядки обстановки.

Переводчики должны знать о намерениях спикера: хотел ли спикер быть забавным или случилась оговорка, неумышленная игра слов? При этом эквивалентность не обязательно является индикатором успеха в переводе юмора и иронии. Переводчику необходимо прежде всего осознать, какого эффекта хочет достичь спикер, и оценить, насколько важно передать ту или иную шутку [Zabalbeascoa 2005: 190]. Перевод становится более эффективным, если переводчик понимает интенции спикера [Bell 2007]. Сможет ли переводчик передать юмор и иронию, в конечном счете зависит от его навыков, а также в некоторой степени от стечения обстоятельств или удачи.

Отметим, что проанализированные в статье случаи иронии представляют собой словесную иронию, за исключением последнего примера, который содержит элементы и вербализованной, и ситуативной иронии.

Ирония, особенно направленная на другого человека, часто употребляется для представления участников мероприятия. Например:

Another exceptionally gifted young actor who is nominated for the first time is Timothée Chalamet, who looks very dashing tonight. Wow, look at that tux. Are you having fun, Timothée? This is a big deal. He's missing "Paw Patrol" to be here tonight. Don't worry, Ryder and his team of pups saved the day, so².

Ведущий церемонии награждения «Оскар» Джимми Киммел в данном отрывке при помощи иронии представляет семнадцатилетнего актера Тимоти Шаламе. В данном случае ирония создается с помощью эффекта неожиданности, поскольку присутствующие вряд ли ожидают, что подросток будет смотреть мультипликационные фильмы. Именно возраст актера становится объектом иронии ведущего. Последний делает акцент на молодости Шаламе, утверждая, что ради «Оскаров» актер пропускает серию «Paw Patrol», или, в русском переводе, «Щенячьего патруля», — популярного мультфильма для детей дошкольного возраста. Именно этот компонент составляет трудность при переводе данного отрывка. Знание реалий иностранной культуры переводчика не всегда включает в себя знание современных детских медиа. Однако понимание смысла высказывания при упоминании, например, страны Оз или Кота в сапогах не вызвало бы затруднения, так как многие классические образы детских медиа как Нового, так и Старого Света широко известны во всех западных странах. Усложняет задачу и последняя ремарка, которой ведущий будто утешает актера, уверяя его, что в мультфильме все закончилось

² Oscars: Read Jimmy Kimmel's Opening Monologue, 2018. <https://www.hollywoodreporter.com/news/general-news/oscars-read-jimmy-kimmels-opening-monologue-1091078/> (дата обращения: 30.06.2022).

хорошо. В данном контексте называются его главные герои — *Ryder and his team of pups*. Если переводчик не смог освоить содержание предыдущего фрагмента, то эти слова, скорее всего, вызовут у него непонимание. С целью сохранения иронического образа без упоминания этого мультфильма переводчик будет вынужден экстренно создавать другие стратегии. Рассмотрим некоторые варианты перевода данного отрывка.

Вариант 1

Другой талантливый актер, который был номинирован — Тимоти Шаламе, и он просто в восторге. Тебе нравится здесь, Тимоти? Да, здесь прекрасно. **И он очень доволен, что он здесь.**

В данном варианте переводчик полностью редуцирует иронический компонент, заменяя его общими фразами. Вероятно, переводчик не распознал упомянутую выше реалию и, следовательно, не понял иронию. Немаловажным фактором, повлиявшим на обработку им информации, стал также и режим СП, при котором у переводчика нет достаточного времени для рефлексии, вследствие чего он принял решение опустить неизвестную отсылку без риска непоправимо исказить смысл сказанного оратором.

Вариант 2

Еще одним прекрасным молодым актером, который был номинирован первый раз, стал Тимоти Шаламе, который сегодня прекрасно выглядит. Как дела, Тимоти? **И это действительно очень важно, ведь он пропустил важное событие, чтобы присутствовать сегодня здесь.**

В данном случае переводчик также не смог идентифицировать реалию, что привело к частичной редукции содержания исходного высказывания и полной потере иронического смысла: если в оригинале ирония создается за счет того, что ведущий утверждает, будто просмотр мультфильма для Тимоти является важным событием, то в переводе репрезентируется только мысль о «важном событии», что становится искажением содержания исходного высказывания.

Вариант 3

Еще один невероятно талантливый актер, которого впервые номинировали в этом году, — это Тимоти Шаламе, который прекрасно сегодня выглядит. Развлекаетесь, Тимоти? **Да, это очень большая номинация, и сегодня ему не хватает «По Патроне», но не волнуйтесь: есть кому прийти на помощь.**

Данный перевод также характеризуется искажением: последние слова, которые в оригинале служат отсылкой к мультфильму, здесь используются по отношению к объекту иронии. Переводчик прибег к транслитерации неизвестного ему понятия, полагаясь на метод контекстуального осмысления. Ирония, таким образом, будет сохранена только в том случае, если слушатель знаком с англоязычным названием мультфильма; в остальных случаях реципиент не сможет освоить смысл высказывания.

Таким образом, реализуемая оригинальным высказыванием функция акцентирования внимания аудитории на возрасте юного актера в переводах утрачена или искажена.

Как отмечалось ранее, ирония эффективно используется в политическом дискурсе.

*In fact, somebody recently said to me, Mr. President, you are so yesterday; Justin Trudeau has completely replaced you — he's so handsome, he's so charming, he's the future. And I said, Justin, just give it a rest*³.

Данный контекст представляет собой фрагмент речи Барака Обамы на ужине для прессы. Здесь объектом иронии становится премьер-министр Канады Джастин Трюдо, известный как молодой, прогрессивный политик, который держится на одной волне с молодежью. Обама иронически изображает Трюдо самовлюбленным нарциссом. Комический эффект усиливается за счет эффекта неожиданности: лишь в самом конце Обама раскрывает, что все комплиментарные по отношению к Трюдо слова он услышал от него самого. В данном случае ирония, по нашему мнению, используется как средство оптимизации межличностных отношений. Полагаем, что данный отрывок не содержит особых трудностей для репрезентации иронического образа при переводе. Рассмотрим некоторые его варианты.

Вариант 1

Действительно, кто-то мне недавно сказал: господин президент, вы так оторваны от настоящего времени, кто-то, может быть, вас сменил? Смотрите, он такой красивый и он будущее. И я сказал: «Ну и ладно».

В данном переводе иронический образ Трюдо полностью редуцирован, поскольку переводчик совсем не упоминает этого политика. Вместо этого в переводе фокус переходит на самого спикера и его якобы пренебрежительное отношение к критике, что является искажением смысла ИТ.

Вариант 2

На самом деле, кто-то сказал мне: господин президент, вы выглядите как вчера. Как будто вас заменили сегодня, он такой прекрасный, энергичный, целеустремленный и просто сказал: «Дайте отдохнуть ему».

Иронический образ в данном варианте перевода не репрезентирован по той же причине, что и в первом, — переводчик не упоминает самого Трюдо. Кроме того, редукция иронии сопровождается искажением основного смысла ИТ: реципиенты могут заключить, что некто более молодой решил заменить Обаму, поскольку последнему необходимо отдохнуть. Искажение возникает вследствие того, что переводчик не смог освоить смысл оригинала или объективировать его посредством оптимального варианта перевода фразеологизма *give it a rest*.

³ President Obama Complete remarks at 2016 White House Correspondents' Dinner. <https://www.youtube.com/watch?v=hA5ezR0Kh80> (дата обращения: 30.06.2022).

Вариант 3

На самом деле кто-то недавно мне сказал: господин президент, вы так устарили. Джастин Трюдо полностью вас заменил. Он такой очаровательный, за ним будущее. А я сказал: «Джастин, поосторожнее с этим».

В данном случае иронический образ и эффект неожиданности полностью сохранены. Перевод *поосторожнее* может показаться немного экспрессивнее, чем оригинальное *give it a rest*, однако это способствует актуализации иронической коннотации, присущей ИТ. Функция разрядки обстановки, характерная для ИТ, в последнем переводе сохранена.

And then there's Ted Cruz. Ted had a tough week. He went to Indiana — Hoosier country — stood on a basketball court, and called the hoop a “basketball ring.” (Laughter and applause.) What else is in his lexicon? Baseball sticks? Football hats? (Laughter.) But sure, I'm the foreign one⁴.

В данном фрагменте речи Барака Обамы объектом его иронии становится Тед Круз — американский политик из республиканской партии. Обама ссылается на визит Круза в штат Индиана во время избирательной кампании последнего. Президент описывает Индиану как *Hoosier country*, что является отсылкой к популярному в Америке фильму «Hoosiers» (1986), снятому в Индиане. Фильм повествует о баскетбольной команде старшеклассников. Пытаясь воссоздать классическую сцену из данного фильма в надежде завоевать сердца избирателей, Круз произнес следующую фразу: *You know, the amazing thing about that basketball ring here in Indiana, it's the same height as it is in New York City and every other place in this country. And there is nothing that Hoosiers cannot do.* Внимание общественности сразу привлекло то, что Круз назвал объект, обозначаемый в английском языке существительным *hoop*, словосочетанием *basketball ring*. Именно это является основой иронического комментария Обамы, состоящего в перечислении выдуманных спортивных терминов для имитации стиля Круза. Завершается фрагмент саркастическим комментарием, который при поверхностном рассмотрении может показаться самоиронией. Как известно, оппоненты, в большинстве случаев республиканцы, часто подозревали Барака Обаму в том, что он не был рожден в США. Но при более глубоком анализе становится ясно, что порицание как способ создания иронии и насмешка (функция иронии в данном высказывании) снова направлены на Круза: американец, которого никогда не подозревали, как Обаму, путает простые слова родного языка.

Этот отрывок является, на наш взгляд, самым сложным для перевода из проанализированных примеров. Во-первых, в нем присутствует малоизвестная реальность — кинокартина, популярная в США, но незнакомая русскоязычной аудитории. Кроме того, трудность составляет репрезентация идеи, выраженной в оригинале посредством лексической единицы *hoop* и словосочетания *basketball ring*. Чтобы сохранить иронический образ Круза, переводчику требуется показать контраст между ними и нелепость второго выдуманного понятия. Однако именно выдуманное, нехарактерное для английского языка словосочетание дословно переводится на русский язык как *баскетбольное кольцо*. Таким образом, переводчику придется ис-

⁴ President Obama Complete remarks at 2016 White House Correspondents' Dinner. <https://www.youtube.com/watch?v=hA5ezR0Kh80> (дата обращения: 30.06.2022).

кать другие стратегии для сохранения иронического образа, например ввести свой неологизм или попробовать репрезентировать юмор описательно. При переводе в синхронном режиме передать такого рода информацию крайне трудно. Также для сохранения саркастического тона в конце отрывка переводчику требуется либо применить соответствующую интонацию, либо с помощью описательных средств отдалить оратора от буквального значения его слов. Рассмотрим некоторые варианты перевода данного отрывка.

Вариант 1

И потом есть еще Тед Круз, у него была довольно трудная неделя: он ездил в Индиану и выступал на баскетбольном поле.

В данном переводе иронический образ Круза не сохраняется, так как переводчик опустил всю создающую образ информацию. В результате опущения довольно большого фрагмента речи переводчик заставит своих слушателей чувствовать себя изолированными от остальной аудитории.

Вариант 2

А вот, например, Тед Круз. У Теда очень все тяжело: он на этой неделе съездил в Индиану, давал речь на баскетбольном корте и **использовал другую спортивную терминологию, а что он еще может. По сравнению с ним я, конечно, иностранец.**

В данном переводе ирония отчасти сохраняется в последнем предложении. С помощью добавления словосочетания *по сравнению с ним* переводчику удастся передать посыл оратора. Ранее переводчик прибегает к генерализации: вместо того чтобы перечислять все нелепые выдуманные слова для спортивного инвентаря, переводчик объединил их под словосочетанием *спортивная терминология*. Комический эффект в таком случае, конечно, утрачивается, однако переводчик все равно попытался выразить идею автора. Искажение смысла происходит в употребляемой переводчиком фразе *а что он еще может*, меняя смысл сказанного оратором о том, какие еще слова может придумать Круз, на мысль о том, что ожидать от него ничего иного нельзя. Однако такое искажение не влияет на общее восприятие фрагмента и даже оживляет перевод, укрепляя иронический образ Круза.

Вариант 3

Так же Тед Круз. Вот это была сложная неделя: он ездил в Индиану, выступал на баскетболе. **Что еще в его лексиконе? Футбольная кепка, баскетбольная ракетка.**

Несмотря на то что в данном переводе опущено слишком много информации, сопутствующей созданию иронического образа, нельзя не отметить комический эффект, создаваемый рифмующимся перечислением *футбольная кепка, баскетбольная ракетка*. При сохранении другой информации такой подбор слов усилил бы комичность образа Круза, добавляя в него некую легкомысленность.

Вариант 4

И есть еще Тед Круз. У него выдалась нелегкая неделя, он отправился в Индиану, выступил на баскетбольной площадке и назвал баскетбольное кольцо кругом. **Что дальше? Он назовет мяч шариком? Это я иностранец.**

В данном переводе иронический образ Круза сохраняется. Переводчик сумел подобрать подходящие слова для демонстрации нелепого звучания английского *basketball ring*, затем привел собственные примеры, которые, хотя и не были частью оригинальной речи, не помешали переводчику полностью сохранить посыл оратора. Последнюю часть фрагмента переводчик не выделил интонационно, и это может заставить некоторых слушателей поверить в то, что спикер действительно является иностранцем, который может путать слова подобным образом, что, однако, изменяет смысл оригинала. Таким образом, порицание и ирония в переводах данного отрывка сохранены лишь частично.

Заключение

Ирония — комплексный феномен, неотъемлемый от окружающего его контекста. Понятие иронии сложно представить в рамках одного определения, тем не менее общей в основных теориях является трактовка словесной иронии как иноязычного средства выражения. Важной составляющей иронии является ее аксиологический аспект, поэтому при анализе иронического высказывания необходимо учитывать передаваемое им отношение ирониста.

Трудность интерпретации иронии в устном переводе усугубляется ограничением времени для переводческой рефлексии при выработке оптимального варианта репрезентации смысла оригинала. Однако для сохранения доверия аудитории лучше постараться передать юмористические компоненты речи.

Как показал анализ результатов эксперимента, для передачи иронии переводчику необходимо обладать достаточными фоновыми знаниями о спикере, сфере его деятельности, теме речи и проводимого мероприятия. Недостаток фоновых знаний может привести к ошибкам аудирования и, как следствие, к искажениям. Сохранение иронического образа во многом зависит от интонации переводчика: перевод, не сопровождаемый соответствующей интонацией, может быть воспринят буквально, что приведет к искажению посыла оратора.

На основании проведенного анализа можно выявить несколько стратегий создания иронического образа в синхронном переводе. При передаче иронии переводчик может использовать оценочную лексику, приемы преуменьшения или преувеличения, поэтому иронию возможно репрезентировать, даже если переводчик не уловил прецизионную информацию, сопутствующую созданию иронического образа. Передать иронию также помогает более экспрессивная по отношению к оригиналу лексика, что создает прием преувеличения.

Все вышеописанные стратегии так или иначе служат одной цели: созданию разницы между эксплицитным и имплицитным, иллюстрации несоответствия между словами оратора и его отношением к объекту иронии. Какой подход выберет переводчик, зависит от его фоновых знаний и особенностей оригинала.

Справочные издания

Литературная энциклопедия 2001 — *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Николюкин А. Н. (ред.). М.: Интелвак. 2001.

Мурзин 1984 — Мурзин Л. Н. *Основы дериватологии*: конспект лекций. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984.

Литература

- Апресян 1990 — Апресян Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции. В сб.: *Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986)*. Лихачев Д. С. (ред.). М; Л.: Наука, 1990. С. 50–71.
- Арутюнова 1987 — Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира»). *Вопросы языкознания*. 1987, (3): 3–19.
- Влахов, Флорин 1980 — Влахов С., Флорин С. *Непереводимое в переводе*. М.: Международные отношения, 1980.
- Горностаева 2016 — Горностаева А. А. Место иронии в речевых портретах современных политических деятелей. *Вестник РУДН. Серия Лингвистика*. 2016, 20 (1): 57–76.
- Дземидок 1974 — Дземидок Б. *О комическом*. М.: Прогресс, 1974.
- Зелезинская 2012 — Зелезинская Л. А. Юмор как способ взаимодействия субъектов политической системы. *Социум и власть*. 2012, 6 (38): 106–110.
- Казакова 2006 — Казакова Т. А. *Художественный перевод: в поисках истины*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006.
- Карпухина 2013 — Карпухина В. Н. *Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры*: дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2013.
- Конина, Черниговская 2018 — Конина А. А., Черниговская Т. В. Синхронный перевод как экстремальный вид когнитивных процессов (обзор экспериментальных исследований). *Вопросы психолингвистики*. 2018, 4 (38): 178–203.
- Куницына 2010 — Куницына Е. Ю. *Лингвистические основы людической теории художественного перевода*: дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2010.
- Логический анализ 1990 — *Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста*: сб. ст. Арутюнова Н. Д. (ред.). М.: Наука, 1990.
- Минченков 2008 — Минченков А. Г. *Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка)*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008.
- Общая риторика 1986 — *Общая риторика*. Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клингкенберг Ж.-М. и др. Разлогова Е. А., Нарумов Б. П. (пер. с фр.). М.: Прогресс, 1986.
- Радбиль 2006 — Радбиль Т. Б. *Языковые аномалии в художественном тексте*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.
- Садовников 2014 — Садовников С. А. *Алогизм речи как художественный прием в творчестве А. П. Платонова*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2014.
- Сорокин 2003 — Сорокин Ю. А. *Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры*. М.: Гнозис, 2003.
- Фесенко 2002 — Фесенко Т. А. Перевод в зеркале когнитивной науки. В сб.: *С любовью к языку*. Посв. Е. С. Кубряковой. Виноградов В. А. (ред.). М.; Воронеж: Ин-т языкознания Рос. акад. наук; Воронеж. гос. ун-т, 2002. С. 65–71.
- Хомский 1972 — Хомский Н. *Аспекты теории синтаксиса*. Звегинцев В. А. (пер. с англ.). М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1972.
- Attardo 2000 — Attardo S. Irony as relevant inappropriateness. *Journal of Pragmatics*. 2000, 32 (6): 793–826.
- Barbe 1993 — Barbe K. Isn't It Ironic That...: Explicit Irony Markers. *Journal of Pragmatics*. 1993, (20): 579–590.
- Bell 2007 — Bell N. D. Humor comprehension: Lessons learned from cross-cultural communication. *Humor*. 2007, 20 (4): 367–387.
- Brown, Levinson 2013 — Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Clark, Gerrig 1984 — Clark H. H., Gerrig R. J. On the Pretense Theory of Irony. *Journal of Experimental Psychology: General*. 1984, 113 (1): 121–126.
- Colson 2002 — Colson H. Contrast and assimilation in verbal irony. *Journal of Pragmatics*. 2002, (34): 111–142.

- Currie 2006 — Currie G. Why Irony is Pretence. In: *The Architecture of the Imagination: New Essays on Pretence, Possibility, and Fiction*. Nichols Sh. (ed.). Clarendon Press, 2006. P. 111–133.
- Gibbs 1986 — Gibbs R. On the Psycholinguistics of Sarcasm. *Journal of Experimental Psychology: General*. 1986, (105): 3–15.
- Gibbs et al. 1995 — Gibbs R. W. Jr., O'Brien J. E., Doolittle Sh. Inferring Meanings That Are Not Intended: Speakers' Intentions and Irony Comprehension. *Discourse Processes*. 1995, (20): 187–203.
- Giora et al. 1998 — Giora R., Fein O., Schwartz T. Irony: Graded Salience and Indirect Negation. *Metaphor and Symbol*. 1998, (13): 83–101.
- Giora et al. 2007 — Giora R., Fein O., Laadan D., Wolfson J., Zeituny M., Kidron R., Kaufman R., Shaham R. Expecting Irony: Context Versus Salience-Based Effects. *Metaphor and Symbol*. 2007, 22 (2): 119–146.
- González, Mejias 2013 — González L., Mejias G. The Interpreter's Ultimate Challenge: Humor in Conferences. *Translation Journal*. 2013, 17 (4). <http://translationjournal.net/journal/66humor.htm> (дата обращения: 28.06.2022).
- Kaufer 1981 — Kaufer D. S. Understanding ironic communication. *Journal of Pragmatics*. 1981, 5 (6): 495–510.
- Knox 1961 — Knox N. *The Word Irony and Its Context, 1550–1755*. Duke, 1961.
- Kreuz, Roberts 1995 — Kreuz R. J., Roberts R. M. Two Cues for Verbal Irony: Hyperbole and the Ironic Tone of Voice. *Metaphor and Symbol*. 1995, 10 (1): 21–31.
- Liendo 2013 — Liendo P. J. The Challenges of Interpreting Humor (a. k. a. “Don't Kill the Killjoy”). *Translation Journal*. 2013, 17 (1). <http://translationjournal.net/journal/63humor.htm> (дата обращения: 28.06.2022).
- Pavlicek, Pöschhacker 2014 — Pavlicek M., Pöschhacker F. Humour in Simultaneous Conference Interpreting. *The Translator*. 2014, (2): 385–400.
- Popa 2005 — Popa D.-E. Jokes and Translation. *Perspective: Studies in Translatology*. 2005, 13 (1): 48–57.
- Roberts, Kreuz 1994 — Roberts R. M., Kreuz R. J. Why do people use figurative language? *Psychological Science*. 1994, 5 (3): 159–163.
- Sperber, Wilson 1981 — Sperber D., Wilson D. Irony and the use-mention distinction. In: *Radical Pragmatics*. Cole P. (ed.). New York: Academic Press, 1981. P. 295–318.
- Simonin 2018 — Simonin O. Verbal irony, politeness... and three ironic types. In: *The Pragmatics of Irony and Banter*. Jobert M., Sorlin S. (eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2018. P. 59–80. <https://www.jbe-platform.com/content/books/9789027264237-lal.30.04sim> (дата обращения: 30.06.2022).
- Williams 1984 — Williams J. P. Does mention exhaust the concept of irony? *Journal of Experimental Psychology: General*. 1984, 113 (1): 127–129.
- Wilson, Sperber 1992 — Wilson D., Sperber D. On Verbal Irony. *Lingua*. 1992, (87): 53–76.
- Zabalbeascoa 2005 — Zabalbeascoa P. Humor and translation — an interdisciplinary. *Humor — International Journal of Humor Research*. 2005, 18(2): 185–207.

Статья поступила в редакцию 30 июня 2022 г.
Статья рекомендована к печати 12 сентября 2022 г.

Adelia Kh. Abdulmanova

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia
a.abdulmanova@spbu.ru

Ekaterina K. Vyunova

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia
e.vyunova@spbu.ru

Irina A. Lekomtseva

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia
i.lekomtseva@spbu.ru

Natalia V. Shutemova

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia
n.shutemova@spbu.ru

On the ways of expressing irony in simultaneous interpreting

For citation: Abdulmanova A. Kh., Vyunova E. K., Lekomtseva I. A., Shutemova N. V. On the ways of expressing irony in simultaneous interpreting. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022, 19 (4): 720–739. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.405> (In Russian)

The paper deals with the ways of irony representation in simultaneous interpreting, which is regarded in a broader context with the notions of humour and alogism. The subject is interconnected with the translation quality issue determining the relevance of the research. It is based on the comparative analysis of speeches delivered by politicians, public figures and TV stars in English and their simultaneous interpreting in Russian provided by the second-year students of the corresponding master's programme. The authors highlight various approaches to the notion *irony*, such as *oppositions theory*, *The Direct Access Account*, *The Pretense Theory*, *Relevant Inappropriateness theory*, *Graded Salience Model*, *The Echoic Mention Theory*. Kinds of irony and means of its production are reviewed including blame-by-praise, understatement, exaggeration, self-deprecation, creating the effect of surprise, ironic concession and defence. Considered from a cognitive-discursive perspective, the representation of irony in simultaneous interpreting is proved to be a difficulty of understanding the original and objectifying its idea by means of the target language. Irony is revealed to be completely or partially reduced due to the lack of background knowledge, in particular realia, and/or due to the interpreter's inability to objectify ironic implications. The character of simultaneous interpreting is regarded as a factor complicating the task, because it limits time for comprehending irony and inventing ways to verbalize it. It is discovered that the main strategies of representing irony include exaggeration, understatement and the use of expressive lexicon.

Keywords: humour, irony, interpreting, oral interpreting, simultaneous interpreting.

References

- Апресян 1990 — Apresian Iu. D. Language anomalies: types and functions. In: *Res Philologica: Filologicheskie issledovaniia. Pamiati akademika Georgiia Vladimirovicha Stepanova (1919–1986)*. Likhachev D. S. (ed.). Moscow; Leningrad: Nauka Publ. P. 50–71. (In Russian)
- Арутюнова 1987 — Arutiunova N. D. Anomalies and language (towards the problem of the language “world image”. *Voprosy iazykoznaniiia*. 1987, (3): 3–19. (In Russian)

- Влахов, Флорин 1980 — Vlahov S., Florin S. *Non-translated in translation*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ, 1980. (In Russian)
- Горностаева 2016 — Gornostaeva A. A. The place of irony in speech portraits of modern politicians. *Vestnik RUDN. Seriiia lingvistika*. 2016, 20 (1): 57–76. (In Russian)
- Дземидок 1974 — Dzemidok B. On comic. Moscow: Progress Publ., 1974. (In Russian)
- Зелезинская 2012 — Zelezinskaya L. A. Humour as a way of interaction of subjects of political system. *Sotsium i vlast'*. 2012, 6 (38): 106–110. (In Russian)
- Казакова 2006 — Kazakova T. A. *Literary Translation: Seeking for Truth*. St Petersburg: St Petersburg University Press, 2006. (In Russian)
- Карпухина 2013 — Karpukhina V. N. *Constructing the linguistic reality under the change of a semiotic code of culture*. Thesis for D. Sci. in Philological Sciences. Perm, 2013. (In Russian)
- Кони́на, Черниговская 2018 — Konina A. A., Chernigovskaia T. V. Simultaneous Interpreting as an Extreme Cognitive Activity. *Voprosy psikholingvistiki*. 2018, 4 (38): 178–203. (In Russian)
- Куницына 2010 — Kunitsyna E. Iu. *Linguistic foundations of the ludic theory of literary translation*. Thesis for D. Sci. in Philological Sciences. Irkutsk, 2010. (In Russian)
- Логический анализ 1990 — *Logical analysis of the language. Inconsistency and anomaly of the text*. Collected papers. Arutiunova N. D. (ed.). Moscow: Nauka Publ., 1990. (In Russian)
- Минченков 2008 — Minchenkov A. G. *Cognitive-heuristic model of translation (on the material of the English language)*. Abstract of the Thesis for D. Sci. in Philological Sciences. St Petersburg, 2008. (In Russian)
- Общая риторика 1986 — *Rhetorique generale*. Par le group “μ”: G. Dubois, F. Edeline, G. M. Klinkenberg et al. E. A. Razlogova, B. P. Narumov (transl. from French). Moscow: Progress Publ., 1986. (In Russian)
- Радби́ль 2006 — Radbil' T. B. *Language anomalies in the literary text*. Abstract of the Thesis for D. Sci. in Philological Sciences. Moscow, 2006. (In Russian)
- Садовников 2014 — Sadovnikov S. A. *Verbal alogism as an artistic device in works by A. P. Platonov*. Abstract of PhD Thesis in Philological Sciences. Nizhniy Novgorod, 2014. (In Russian)
- Сорокин 2003 — Sorokin Iu. A. *Translation Studies: translator's status and psychohermeneutic procedures*. Moscow: Gnozis Publ., 2003. (In Russian)
- Фесенко 2002 — Fesenko T. A. Translation in the Mirror of Cognitive Science. In: *S lyubov'yu k yazyku*. Collected papers. Devoted to E. S. Kubryakova. Moscow; Voronezh: Institut iazykoznaniiia Rossiiskoi akademii nauk; Voronezhskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2002. P. 65–71. (In Russian)
- Хомский 1972 — Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Zvegintsev V. A. (transl. from English). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1972. (In Russian)
- Attardo 2000 — Attardo S. Irony as relevant inappropriateness. *Journal of Pragmatics*. 2000, 32 (6): 793–826.
- Barbe 1993 — Barbe K. Isn't It Ironic That...: Explicit Irony Markers. *Journal of Pragmatics*. 1993, (20): 579–590.
- Bell 2007 — Bell N. D. Humor comprehension: Lessons learned from cross-cultural communication. *Humor*. 2007, 20 (4): 367–387.
- Brown, Levinson 2013 — Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Clark, Gerrig 1984 — Clark H. H., Gerrig R. J. On the Pretense Theory of Irony. *Journal of Experimental Psychology: General*. 1984, 113 (1): 121–126.
- Colson 2002 — Colson H. Contrast and assimilation in verbal irony. *Journal of Pragmatics*. 2002, (34): 111–142.
- Currie 2006 — Currie G. Why Irony is Pretence. In: *The Architecture of the Imagination: New Essays on Pretence, Possibility, and Fiction*. Nichols Sh. (ed.). Clarendon Press, 2006. P. 111–133.
- Gibbs 1986 — Gibbs R. On the Psycholinguistics of Sarcasm. *Journal of Experimental Psychology: General*. 1986, (105): 3–15.
- Gibbs et al. 1995 — Gibbs R. W. Jr., O'Brien J. E., Doolittle Sh. Inferring Meanings That are Not Intended: Speakers' Intentions and Irony Comprehension. *Discourse Processes*. 1995, (20): 187–203.
- Giora et al. 1998 — Giora R., Fein O., Schwartz T. Irony: Graded Salience and Indirect Negation. *Metaphor and Symbol*. 1998, (13): 83–101.
- Giora et al. 2007 — Giora R., Fein O., Laadan D., Wolfson J., Zeituny M., Kidron R., Kaufman R., Shaham R. Expecting Irony: Context Versus Salience-Based Effects. *Metaphor and symbol*. 2007, 22 (2): 119–146.

- González, Mejias 2013 — González L., Mejias G. The Interpreter's Ultimate Challenge: Humor in Conferences. *Translation Journal*. 2013, 17 (4). <http://translationjournal.net/journal/66humor.htm> (accessed: 28.06.2022).
- Kaufer 1981 — Kaufer D.S. Understanding ironic communication. *Journal of Pragmatics*. 1981, 5 (6): 495–510.
- Knox 1961 — Knox N. *The Word Irony and Its Context, 1550–1755*. Duke, 1961.
- Kreuz, Roberts 1995 — Kreuz R. J., Roberts R. M. Two Cues for Verbal Irony: Hyperbole and the Ironic Tone of Voice. *Metaphor and Symbol*. 1995, 10 (1): 21–31.
- Liendo 2013 — Liendo P. J. The Challenges of Interpreting Humor (a. k. a. “Don't Kill the Killjoy”). *Translation Journal*. 2013, 17 (1). <http://translationjournal.net/journal/63humor.htm> (accessed: 28.06.2022).
- Pavlicek, Pöschhacker 2014 — Pavlicek M., Pöschhacker F. Humour in Simultaneous Conference Interpreting. *The Translator*. 2014, (2): 385–400.
- Popa 2005 — Popa D.-E. Jokes and Translation. *Perspective: Studies in Translatology*. 2005, 13 (1): 48–57.
- Roberts, Kreuz 1994 — Roberts R. M., Kreuz R. J. Why do people use figurative language? *Psychological Science*. 1994, 5 (3): 159–163.
- Sperber, Wilson 1981 — Sperber D., Wilson D. Irony and the use-mention distinction. In: *Radical Pragmatics*. Cole P. (ed.). New York: Academic Press, 1981. P.295–318.
- Simonin 2018 — Simonin O. Verbal irony, politeness... and three ironic types. In: *The Pragmatics of Irony and Banter*. Jobert M., Sorlin S. (eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2018. P.59–80. <https://www.jbe-platform.com/content/books/9789027264237-lal.30.04sim> (accessed: 30.06.2022).
- Williams 1984 — Williams J.P. Does mention exhaust the concept of irony? *Journal of Experimental Psychology: General*. 1984, 113 (1): 127–129.
- Wilson, Sperber 1992 — Wilson D., Sperber D. On Verbal Irony. *Lingua*. 1992, (87): 53–76.
- Zabalbeascoa 2005 — Zabalbeascoa P. Humor and translation — an interdiscipline. *Humor — International Journal of Humor Research*. 2005, 18(2): 185–207.

Received: June 30, 2022
Accepted: September 12, 2022